Pobrane z czasopisma Annales N - Educatio Nova **http://educatio.annales.umcs.pl**
Data: 21/11/2026 17:34:49

WYDAWNICTWO UMCS

ANNALES
UNIVERSITATIS MARIAE CURIE-SKŁODOWSKA
LUBLIN – POLONIA

VOL. V SECTIO N 2020

ISSN: 2451-0491 • e-ISSN: 2543-9340 • CC-BY 4.0 • DOI: 10.17951/en.2020.5.299-311

«Дома», или учебник для родителей Антона Чехова

"At Home" – Anton Chekhov's Textbook for Parents

„W domu", czyli Antoniego Czechowa podręcznik dla rodziców

UMCS

Artur Sadecki

Maria Curie-Skłodowska University in Lublin. Faculty of Humanities
pl. Marii Curie-Skłodowskiej 4A, 20-031 Lublin, Poland
artur.sadecki@umcs.pl
https://orcid.org/0000-0003-1365-8496

Abstract. In the paper one of Anton Chekhov's works devoted to childhood, an 1887 short story *At Home*, falls under the scrutiny. Its action appears to be limited to a conversation between Bykovsky, the father who works as prosecutor for the circuit court, and Seryozha, the son who has been found smoking. Were it not for the main hero – the father – this short story would not have been placed as one of the exceptional pieces in Chekhov's writings. Bykovsky comprehends the reality properly and his course of action is crowned with success, meaning the son stops smoking. His way of thinking reveals a deep understanding of children's raising rules. Firstly, he is aware that a child has its own, separate world of thoughts and feelings. In this way, the father using his own words describes the phenomenon, which is now being investigated by the so-called Theory of Mind. Secondly, Bykovsky achieves success when he tells his son a fairy tale about the harmful effects of smoking. It apparently shows that he is conscious of the role of narration in the process of education, which is also an axiom in contemporary science. Therefore, it can be concluded that the short story *At Home* is a kind of an artistic "guide for parents".

Keywords: Chekhov; children's raising; Theory of Mind; narration

Pobrane z czasopisma Annales N - Educatio Nova **http://educatio.annales.umcs.pl**
Data: 21/11/2026 17:34:49

Abstrakt. Przedmiotem badań w niniejszym artykule jest jedno z opowiadań o tematyce dziecięcej Czechowa – *W domu* (1887). Akcja opowiadania sprowadza się do rozmowy ojca, prokuratora Bykowskiego, z synem Sieriożką, który zaczął palić papierosy. Dzięki głównemu bohaterowi utwór zajmuje wyjątkowe miejsce w twórczości pisarza – Bykowski prawidłowo pojmuje rzeczywistość i przyjęty przez niego sposób rozwiązania problemu kończy się sukcesem (czyli rezygnacją syna z papierosów). Jego sposób myślenia ujawnia głębokie rozumienie procesów wychowania dzieci. Bohater, po pierwsze, rozumie, że dziecko posiada własny, odrębny świat myśli i uczuć. W ten sposób swoimi słowami określa fenomen, którego zgłębianiem zajmuje się współcześnie tzw. teoria umysłu (*Theory od Mind*). Po drugie, Bykowski osiąga sukces, kiedy opowiada synowi bajkę o szkodliwości tytoniu. Tym samym zdaje on sobie sprawę z wielkiej roli narracji w procesach edukacji, co również okazuje się aksjomatem we współczesnej nauce. Dlatego można skonstatować, że opowiadanie *W domu* jest swego rodzaju artystycznym „podręcznikiem dla rodziców".

Słowa kluczowe: Czechow; wychowanie; teoria umysłu; narracja

Резюме. Предметом анализа в настоящей статье является один из детских рассказов Чехова – *Дома* (1887). Сюжет рассказа сводится к разговору отца, прокурора Быковского, с сыном, Сережкой, который начал курить сигареты. Благодаря главному герою произведение занимает исключительное место в творчестве писателя – Быковский правильно понимает действительность и принимаемый им способ решения проблемы приводит к успеху (т.е. отказу сына от курения). Его размышления обнаруживают глубокое понимание процессов воспитания детей. Герой, во первых, понимает, что у ребенка отдельный мир чувств и мыслей. Таким образом своими словами называет феномен, исследованием которого занимается сегодня теория разума (или, по-другому, модель психики человека – *Theory of Mind*). Во-вторых, Быковский добивается успеха, когда рассказывает ребенку сказку о вреде табака. Тем самым в тексте выявляется большая роль повествования в процессах обучения, что также является аксиомой в современной науке. Поэтому можно констатировать, что рассказ *Дома* – это художественный «учебник для родителей».

Ключевые слова: Чехов; воспитание; теория разума; повествование

Сочинение Антона Чехова *Дома* (1887) принадлежит к группе детских рассказов писателя. Данный вид произведений пользуется большой популярностью среди читателей, а также многократно был предметом научного анализа (в польском литературоведении стоит обратить внимание, между прочим, на статьи: Toczyńska-Pęksa 2009, 2010). Хотя *Дома* в значительной степени уступает популярностью таким шедеврам, как *Ванька* (1886) или *Каштанка* (1887), однако стоит сосредоточить на нем особое внимание – текст, с перевода которого даже началось знакомство американского читателя с Чеховым (Kuleshov 1982: 173), занимает исключительное место в художественной системе писателя.

Сначала нужно определить, к какому типу детских рассказов принадлежит *Дома*. Для термина «детский рассказ» характерна емкость, вследствие чего он может обозначать и произведения, предназначенные для младшего

Pobrane z czasopisma Annales N - Educatio Nova **http://educatio.annales.umcs.pl**
Data: 21/11/2026 17:34:49

читателя, и тексты о детях (в качестве героев или лейтмотива), адресатом которых часто являются взрослые. Известно, что у Чехова мало работ *stricte* для детей – сам автор причислял к ним (в некоторой степени) лишь *Каштанку* и *Белолобого* (1895)[1]. *Дома* натуральным образом является рассказом для старшего читателя, а даже, как кажется, исключительно для него.

Сюжет довольно простой: прокурор Евгений Петрович Быковский получает известие о том, что его сын – 7-летний Сережа – взял у него табак и два раза курил сигареты. Последующие фрагменты рассказа описывают в двуплановом виде реакцию героя на «выходку» мальчика: Евгений Петрович задумывается о проблемах воспитания и одновременно пытается разговаривать с ребенком. Его жизненные уроки (о краже, вреде сигарет) не приносят пользы, пока он не придумывает сказку о сыне короля, который курил сигареты и умер, оставив отца и целое королевство на произвол судьбы. Сказка сильно воздействует на Сережу и тот впервые осознанно обещает, что не будет больше курить.

Рассказ содержит некоторые анахронизмы: отец, который не знает точно, сколько лет его единственному ребенку, или отсутствие точных, медицинских знаний на тему вреда табака. Но несмотря на это, все итоги размышлений главного героя (и, как можно полагать, автора) являются актуальными и даже опережающими свое время[2].

О детских рассказах писателя сказано: «Освещая мир светом детского сознания, Чехов преображает его, делая милым, веселым, забавным и чистым. Однако роль детского сознания не только в этом. Иногда в детских рассказах Чехова привычный мир становится странным, непонятным, ненатуральным» (Byalyy 1981: 25). В этих словах выражена суть мастерства автора – писатель изображает именно «детское сознание», т.е. не такой мир, в котором описывается поведение детей или показаны только наблюдения взрослых, но эстетическую реальность, учитывающую точку зрения ребенка. Другими словами – дети, в произведениях Чехова, являются настоящими субъектами познания, что, конечно, еще раз подчеркивает их идентичность, человеческое достоинство и заодно позволяет показать буквально любое явление действительности в новом контекстуальном освещении. В рассказе *Дома* также удалось сохранить такое двойное видение

[1] «То, что у меня, по-видимому, подходит для детей – две сказки из собачьей жизни, посылаю Вам заказной бандеролью. А больше у меня, кажется, нет ничего в этом роде. Писать для детей вообще не умею, пишу для них раз в 10 лет и так называемой детской литературы не люблю и не признаю» (Chekhov 1974–1983a: 19).

[2] Нури Кеклюдже утверждает, что вопрос воспитания в творчестве Чехова не был достаточно оценен современниками, так как намного опередил свое время (Keklyudzhe 2018: 125).

Pobrane z czasopisma Annales N - Educatio Nova **http://educatio.annales.umcs.pl**
Data: 21/11/2026 17:34:49

мира, о чем свидетельствует замечание И. Горбунова-Посадова из письма Чехову: «[…] по-моему, по мысли это один из серьезнейших Ваших рассказов. Встреча этих двух миров – детского чистого, человечного и нашего спутанного, искалеченного, лицемерного – изображена в маленькой простенькой вещице превосходно» (Chekhov 1974–1983b: 479). Традиционно в комментариях к рассказу замечают успех отца как эффект придуманной им сказки («победа образного над логическим» [Keklyudzhe 2018: 130] мышлением). Оригинальные анализы произведения предложили такие авторы, как: Е.И. Ушакова[3], В. Гольштейн[4], Н. Нанков[5]. В нашем подходе попытаемся назвать точные механизмы современной педагогики, которые своими словами описывает Чехов и заодно определить: уникальное место рассказа в творчестве писателя, необычные черты в образе героя (отца) и, наконец, значение металитературного уровня в структуре произведения.

В чем же суть оригинальности данного детского рассказа Чехова? Прежде всего в том, что в прокурор Быковский, отец, является настоящим «соучастником» детского мира. Нет другого чеховского произведения, в котором взрослый прилагал бы столько усилий, чтобы понять мысли и душу маленького субъекта. В этих попытках можно заметить второй источник уникальности. Как подчеркивает Рене Сливовски, Чехов (обычно в зрелом творчестве) позволяет своим героям тщательно размышлять о том, что происходит в их литературном мире и с ними самими (Śliwowski 1989: LX). Это осознанное бытие-в-мире героев вводит определенный метауровень в произведения автора. Однако почти всегда эти мысли являются или прямо ложными, или неполными. В раннем творчестве Чехова у героев часто появляется неправильный образ действительности (напр. у Пришибеева, Червякова из *Смерти чиновника* и др.), в зрелом – или ложный (как у Рагина в *Палате № 6*) или в какой-то мере ограниченный (напр. у героев «маленькой трилогии»). В рассказе *Дома* указан исключительный пример персонажа, который все время сохраняет осознанный и правильный метауровень мышления; если у него недостаточно знаний – он способен учиться и, что важно, его мысли влияют положительным образом на действительность.

[3] Ученая обращает внимание на открытый характер рассказа и на мышление отца, которого не отягощают готовые схемы (см. Katayev ed. 2011: 85).

[4] Автор анализирует м. проч. невербальный уровень коммуникации (см. Golstein 1993).

[5] Ученый проводит подробный анализ разных позиций, занимаемых отцом и Сережей, м. проч. учитывая лингвистическую модель Романа Якобсона (см. Nankov 2003).

Pobrane z czasopisma Annales N - Educatio Nova **http://educatio.annales.umcs.pl**
Data: 21/11/2026 17:34:49

Теперь стоит задаться вопросом: о чем и как думает Быковский? Во-первых, у него довольно много мыслей, во-вторых – они «легкие и расплывчатые, какие приходят только в утомленный, отдыхающий мозг» (Chekhov 1974–1982: 98). Действительно, прокурор вернулся домой и у него уже появилось «домашнее» настроение, но, как кажется, такое расслабление способствует и свободной активности ума, и тому, что он не реагирует резко на слова гувернантки о курении сигарет. Ожидая прихода сына, герой задумывается:

> Вспомнил прокурор двух-трех исключенных [из школы – прим. А.С.], их последующую жизнь и не мог не подумать о том, что наказание очень часто приносит больше зла, чем само преступление. Живой организм обладает способностью быстро приспосабливаться […] к какой угодно атмосфере, иначе человек должен был бы каждую минуту чувствовать, какую неразумную подкладку нередко имеет его разумная деятельность и как еще мало осмысленной правды и уверенности даже в таких ответственных, страшных по результатам деятельностях, как педагогическая, юридическая, литературная… (ibidem)

Уже в его первом размышлении, довольно коротком, много жизненной правды – о наказании, ответственности. Важно следующее – Быковский вспоминает о «осмысленной правде» – как бы подчеркивая, что он знает и недостатки всех упомянутых деятельностей, и, быть может, он готов противостоять им[6]. Существенно отметить, что прокурор замечает сходства педагогики, юриспруденции и литературы, но об этом немного позже.

Сам разговор Евгения Петровича с сыном передан Чеховым натурально и с «отцовским чутьем». Прокурор играет роль взволнованного, но на самом деле в нем одни теплые чувства к мальчику. Образ Сережи, наверное, можно причислить к лучшим детским образам у Чехова. Мальчик любит своего отца, ему интересен весь мир и он не может сосредоточить постоянного внимания на одном предмете. У него простые (наивные) ответы на даже сложные вопросы. Более того, он нуждается в близости («Сережа полез на его колени и долго двигался, чтобы усесться поудобней» [ibidem:

[6] В этом высказывании есть также намек на метауровень мышления, о котором мы говорили раньше. Благодаря этому Чехов дает понять, что Евгений Петрович является задумчивым человеком, для него осознанный подход к жини – это натуральное явление. Поэтому следующий разговор с сыном не является придуманным, чем-то в роде дидактического эксперимента: гипотеза (педагогическая идея Быковского) – проверка (разговор с сыном) и так далее.

Pobrane z czasopisma Annales N - Educatio Nova **http://educatio.annales.umcs.pl**
Data: 21/11/2026 17:34:49

103]) и действует спонтанно – дает даже честное слово, что не будет курить, вряд ли зная, что такое «честное слово». В художественном плане разговор и поведение героев переданы безупречно, но для нас главное – какие проблемы замечает отец Сережи.

Сначала его «план» основывается на самых простых, логических шагах – он притворяется разочарованным, сердитым. Спрашивает сына о курении, о табаке, слышит признание мальчика в том, что курил только один раз (хотя гувернантка видела его с сигаретами два раза) и констатирует: «[…] ты уличен в трех нехороших поступках: куришь, берешь из стола чужой табак и лжешь […]. Я очень, очень тобой недоволен!» (ibidem: 99). На этом план… исчерпался. Слова отца абсолютно не влияют на мальчика, да и сам прокурор дает неоднозначные сигналы: с сердитым выражением лица он заботливо поправляет сыну воротничок. Потом пытается продолжить выговор, но чем он становится менее обдуманным («табак мой», «Я курю […] и не люблю себя за это» [ibidem: 100]), тем больше у Быковского иронических замечаний в свой адрес («Не то я ему говорю!», «Не так я ему объясняю!», «Хитрый я педагог!» [ibidem]). Прокурор прекращает бесполезный разговор и долго задумывается о проблемах воспитания.

Тем временем мальчик начинает рисовать и описывать сначала кухарку, потом шарманщика. Эти небольшие, свободные замечания наводят отца на значимую мысль:

> У него свое течение мыслей! […] У него в голове свой мирок, и он по-своему знает, что важно и не важно. Чтобы овладеть его вниманием и сознанием, недостаточно подтасовываться под его язык, но нужно также уметь и мыслить на его манер. Он отлично бы понял меня, если бы мне было жаль табаку, если бы я обиделся, заплакал… Потому-то матери незаменимы при воспитании, что они умеют заодно с ребятами чувствовать, плакать, хохотать… Логикой же и моралью ничего не поделаешь. (ibidem: 102)

Итог размышлений Быковского имеет капитальное значение: 1) в рассказе помогает ему решить проблему курения; 2) в художественной системе Чехова является редким примером течения мыслей героя, который постоянно и правильно расширяет свой кругозор; 3) в творчестве писателя является «пророческой» интуицией, которая предвещает психологические открытия XX века. То, что на самом деле узнал прокурор – «свое течение мыслей», «свой мирок» – это чеховские определения того, чем занимается сегодня так называемая *Theory of Mind*, то есть теория разума или модель психики человека. Это теория, занимающаяся отношениями между

Pobrane z czasopisma Annales N - Educatio Nova **http://educatio.annales.umcs.pl**
Data: 21/11/2026 17:34:49

разными познавательными субъектами[7]. Человек не может «заглянуть в голову» другому человеку, поэтому при помощи теории разума он создает свои представления о мыслях, эмоциях, намерениях других, пытаясь понять целый спектр их ментальных процессов (больше на эту тему см. напр. Baron-Cohen 2009; Leverage, Mancing, Schweickert,Marston и William eds. 2011). Сегодня теорией разума занимаются психология, педагогика или литературоведение. У Чехова, в свою очередь, это интуитивное замечание является основой для настоящего, натурального контакта между двумя субъектами (отец и сын), а также выявляет феномен всех его детских рассказов – писатель не хочет изображать свои представления о детском мире, только всеми усилиями пытается понять все происходящее в голове ребенка. Цитируемый выше фрагмент письма Горбунова-Посадова показывает, что ему это удалось.

Теория разума неразрывно связана с теорией эмпатии. Сопереживание в воспитании очень важно – оно имеет фундаментальное значение для укрепления детского доверия. Таким образом герой понял, почему его логические аргументы оказались неуспешными. При этом Быковский высоко оценивает роль матери, у которой эмпатия является одним из главных факторов в процессе развития и становления личности ребенка. Сережа же недавно потерял свою мать и этим объясняется, почему прокурор лишь теперь углубляется в проблемы воспитания.

После этого открытия герой еще не нашел способ, как запретить курить ребенку, но уже понял свои прежние ошибки. Оказывается однако, что Быковский вовсе не приближается к окончательному решению проблемы, а само решение становится все более запутанным, как загадка в детективном романе. Прокурор сравнивает свою профессиональную деятельность с домашним вопросом и чувствует, что в суде у него не было бы таких проблем. Дома «имеешь дело с людьми, которых без ума любишь, а любовь требовательна и осложняет вопрос» (Chekhov 1974–1982: 102). Прокурор особенно сильно чувствует любовь, когда мальчик играет его бородой и уже в сонном состоянии бормочет: «Теперь ты похож на Ивана

[7] Употребление данного механизма (*Theory of Mind*) – это еще одно доказательство в пользу выводов Владимира Катаева: «[…] процессы познания человеком мира и формы этого познания, осмысления представляют для Чехова первостепенный интерес» (Katayev 1979: 27). Разница касается методологии – ученый использует эпистемологию, антропологию, а теория разума развивается в области когнитивизма.

Pobrane z czasopisma Annales N - Educatio Nova **http://educatio.annales.umcs.pl**
Data: 21/11/2026 17:34:49

Степановича […], а вот сейчас будешь похож… на нашего швейцара» (ibidem: 103). Поведение сына становится толчком к следующему открытию героя:

> Нет, куда уж нам в воспитатели лезть. Прежде люди просты были, меньше думали, потому и вопросы решали храбро. А мы думаем слишком много, логика нас заела… Чем развитее человек, чем больше он размышляет и вдается в тонкости, тем он нерешительнее, мнительнее и тем с большею робостью приступает к делу. (ibidem: 104)

Очередной раз Быковский правильно оценивает свою ситуацию и узнает причины, по которым он не может выйти из тупика – «логика заела». Но каким образом задумчивый человек может перестать думать? Отказ от логики звучит как признание неудачи, но в тот же момент отец вступает на только что найденный путь и долго не размышляя приступает к вечернему ритуалу – рассказывает Сереже сказку. Сказка эта особенная – ежедневно прокурор начинает ее со слов «В некотором царстве, некотором государстве» и затем говорит то, что приходит ему на ум: «Картины, лица и положения брались наудачу, экспромтом, а фабула и мораль вытекали как-то сами собой, помимо воли рассказчика» (ibidem). В этот раз все пережитое героем, все впечатления и чувства, слились в образ королевства, в котором выступают литературные копии настоящих лиц: король (отец) и принц (сын). Быковский подчеркивает сходства между принцем и Сережей, чтобы мальчик заметил свою связь с художественным миром и потенциальные эффекты своего поведения. В завершении отец придумывает эпилог, который кажется ему наивным и смешным, но резкие образы, описываемые им, способны создать сильное впечатление:

> От курения царевич заболел чахоткой и умер, когда ему было 20 лет. Дряхлый и болезненный старик остался без всякой помощи […]. Пришли неприятели, убили старика, разрушили дворец, и уж в саду теперь нет ни черешен, ни птиц, ни колокольчиков. Так-то, братец… (ibidem: 105)

В художественном плане окончание сказки является преувеличенным, но в какой-то мере оно способно трогать за сердце – это мера идеальная для семилетнего Сережи. Грустный и немного испуганный мальчик искренне обещает: «Не буду я больше курить…» (ibidem).

Отец одержал победу и, после ухода мальчика, еще раз думает о своем педагогическом успехе, очень четко оценивая происходящее:

Pobrane z czasopisma Annales N - Educatio Nova **http://educatio.annales.umcs.pl**
Data: 21/11/2026 17:34:49

> Скажут, что тут подействовала красота, художественная форма […]. Все таки это не настоящее средство… Почему мораль и истина должны подноситься не в сыром виде, а с примесями, непременно в обсахаренном и позолоченном виде, как пилюли? Это ненормально… (ibidem)

Герой замечает, что с его точки зрения, т.е. логической, точной, новый подход страдает наивностью, преувеличением, но следующая мысль позволяет ему окончательно понять, что это равноценный способ мышления:

> Вспомнил он присяжных заседателей, которым непременно нужно говорить «речь», публику, усваивающую историю только по былинам и историческим романам, себя самого, почерпавшего житейский смысл не из проповедей и законов, а из басен, романов, стихов…
>
> Лекарство должно быть сладкое, истина красивая… И эту блажь напустил на себя человек со времен Адама… Впрочем… быть может, все это естественно и так и быть должно… (ibidem: 105–106)

«Истина красивая» – вывод прокурора содержит в себе правду, которая отсылает к источникам культуры и философии. Рассматривать ее можно в контексте учений Сократа, Платона[8], Аристотеля, а также в религиозном и эстетическом аспектах, и это естественное последствие изображения Чеховым универсальной правды. Но в заключении героя более важно другое – он находит два пути, следуя по которым можно устанавливать контакт и передачу мыслей между двумя субъектами. Один – это, конечно, логика, точное изложение мыслей. Второй, именно которым Быковский и пользуется, рассказывая сказку – это повествование.

Тем самым, образ главного героя позволяет опять указать Чехову на феномен, исследованием которого занимается современная наука. Сегодня существование обоих путей познания правды, т.е. научно-логического и повествовательного мышления, является аксиомой (Bruner 2010: 64). «Нарратив» же в последнее время делает огромную «карьеру» в разных отраслях науки (Łebkowska 2010: 181). Его присутствие в психологии, психиатрии, педагогике, юриспруденции является так же очевидным, как и в литературе (см. исследования разных отраслей мысли и деятельности

[8] Вспомним лишь один текст, который является одним из самых главных в истории источников размышлений о натуре правды, красоты и любви – это, конечно, диалог Платона *Пир* (385–380 гг до н.э.).

Pobrane z czasopisma Annales N - Educatio Nova **http://educatio.annales.umcs.pl**
Data: 21/11/2026 17:34:49

человека, напр. Bruner 2010; Fish 2008; Herman 2010; Trzebiński 1992 и многие другие). Можно полагать, что в какой-то мере герой подсознательно чувствовал это, сравнивая в цитируемом ранее фрагменте несколько дисциплин. Но надо подчеркнуть следующее – главный персонаж рассказа, хотя сам и хочет являться сторонником логического подхода, понимает, что пользуется повествованием не только в присутствии сына, но и в своей профессиональной деятельности («речь»), а также, в целом, весь его моральный кругозор построен благодаря нарративу. То есть – свою гуманность он приобретал благодаря красивой фикции и тем же делится с сыном, совершая своеобразный воспитательный круг. Этот круг кажется неотъемлемой частью человечества, оттуда заключение героя: «эту блажь напустил на себя человек со времен Адама».

В заглавии мы определили жанр текста как «учебник для родителей». Это юмористическое название вызвано таким же шутливым замечанием самого Чехова, который однажды сказал, что писал все, кроме стихотворений, романов и доносов (Erenburg 1971: 32). В этом определении главное следующее – детский рассказ *Дома* предназначен прежде всего для тех, кто воспитывает детей и, благодаря постоянному присутствию метауровня мышления, как бы провоцирует до осознанного подхода к детскому вопросу.

Можно ли предположить, что этот текст выполняет функции настоящего учебника? Конечно, нет – если Чехов хотел представить объективный взгляд на действительность, он просто это делал (даже любой ценой). Примером тому служит *Остров Сахалин* (1895). Выводы главного героя ценны и правдивы, они даже опережают свою эпоху, что мы и пытались показать, но все-таки – это не научное представление вопроса. Все то, что открывает Быковский (и, без больших сомнений, что считает верным сам автор), т.е. отдельный мир мыслей ребенка и влияние нарратива, является извечной истиной, понимаемой инстинктом. Доказательством тому – присутствие сказок во всех культурах. Именно они в повествовательном виде приспособлены к восприятию разумом ребенка.

Самым большим открытием (как и самой большой ценностью) является призыв к сознательному воспитанию и к уважению другого типа мышления – повествовательного[9]. Оказывается, что о пользе повествования

[9] Эти выводы вписываются в контекст общей точки зрения Чехова на проблему воспитания. Н. Кеклюдже перечисляет следующие черты авторской перспективы: вместо поучений давать образцы поведения (в случае родителей – собственный пример), избежать деспотизма, жестокости, излишней религиозности, поддерживать гендерное равенство и др. (Keklyudzhe 2018: 128, 134).

Pobrane z czasopisma Annales N - Educatio Nova **http://educatio.annales.umcs.pl**
Data: 21/11/2026 17:34:49

Чехов рассказывает читателю… в повествовательном виде! Тем самым в произведении открывается еще один метауровень – литературный. Если история Сережи производит на читателе какое-то впечатление, тогда непроизвольно читатель «становится» Сережей, свидетелем интересной, вызывающей чувства истории. Эта своеобразная, даже шутливая сторона рассказа, авторская игра с читателем, является автоматической проверкой силы повествования и доказательством правды в выводах главного героя. Поэтому и *Дома* не является учебником – благодаря множеству факторов, разным уровням чтения и возможным эмоциональным реакциям, оно глубоко, многогранно и даже таинственно. Как настоящая литература.

И наконец последнее замечание. Вернемся еще раз к образу главного героя, который, по нашему мнению, является образцом исключительного персонажа в творчестве Чехова. Татьяна Гордон, описывая рассказ *О любви*, замечает, что мысли о любви выражены в нем «с нехарактерной для Чехова прямотой» (Gordon 2019: 110). «Нехарактерная прямота» – это лучшее, по-чеховски («краткость – сестра таланта») сжатое определение, которое можно отнести и к размышлениям прокурора Быковского. Сохраняя двойное видение мира, он понимает все, что с ним происходит, как влияют (или вообще нет) его методы воспитания на сына, и даже все время учится, добиваясь настоящих успехов в педагогической деятельности. Стоит еще добавить – у Быковского необыкновенно открытый ум и он готов отказаться от своего мнения (логический подход как единственный правильный). Возникает вопрос – уж не резонер ли он, т.е. «умница» из прежней литературы, во времена Чехова уже устаревший, исчезающий тип персонажа? К счастью, нет. Во-первых, таких героев у писателя почти нет. Точнее – резонер присутствует, но его «всезнающий» ум для Чехова является предметом насмешки, как в случае, например, Пришибеева[10]. Не мог ли автор хотя бы один раз показать настоящего, умного человека – конечно, мог, даже просто как исключение. Во-вторых, именно ловкий эксперимент, т.е. доказательство пользы повествования при помощи еще одного нарратива, который происходит в рассказе, позволяет видеть в герое остроумного персонажа, вступающего в игру не только с сыном,

[10] Известный герой рассказа *Унтер Пришибеев* (1885) является полной противоположностью Евгению Петровичу Быковскому. Он не только уверен, что знает почти все (и никакие аргументы не способны изменить его убеждения), но и считает, что другие люди думают неправильно. На этой основе он дает себе право учить и заодно наказывать как своих соседей, так и незнакомцев. Это своеобразная антитеза взглядам прокурора, благодаря которой еще отчетливее заметны ценности персонажа – самосознание, открытый ум, уважение к другому человеку и др.

Pobrane z czasopisma Annales N - Educatio Nova **http://educatio.annales.umcs.pl**
Data: 21/11/2026 17:34:49

но и с читателем. Как и само произведение, по содержанию оказавшееся глубже учебника, так и прокурор Быковский является намного «глубже» обыкновенного резонера. Доказательством того, что читатели также положительно оценили глубину рассказа, пусть свидетельствует рассуждение Петра Перцова, который причислил *Дома* к лучшим детским рассказам в русской литературе[11].

BIBLIOGRAFIYA

Baron-Cohen, S. (2009). Rozwój zdolności czytania innych umysłów: cztery etapy. V: A. Klawiter (red.), *Formy aktywności umysłu. Ujęcia kognitywistyczne. Ewolucja i złożone struktury poznawcze* (T. 2; s. 145–171). Warszawa: PWN.

Bruner, J. (2010). *Kultura edukacji*. Kraków: TAiWPN Universitas.

Byalyy, G. (1981). *Chekhov i russkiy realizm*, Leningrad: Sov. pisatel'.

Chekhov, A.P. (1974–1982). Doma. V: idem, *Polnoye sobraniye sochineniy i pisem v 30-ti tomakh. Sochineniya v 18-ti tomakh* (T. 6; s. 97–106). Moskva: Nauka.

Chekhov, A.P. (1974–1983a). Pis'mo Rossolimo G. I., 21 yanvarya 1900 g. V: idem, *Polnoye sobraniye sochineniy i pisem v 30-ti tomakh. Pis'ma v 12-ti tomakh* (T. 9; s. 19–20). Moskva: Nauka.

Chekhov, A.P. (1974–1983b). *Polnoye sobraniye sochineniy i pisem v 30-ti tomach. Pis'ma v 12-ti tomakh* (T. 4; s. 353–593 [*Primechaniya*]). Moskva: Nauka.

Erenburg, I. (1971). Nad Czechowem. V: R. Śliwowski (wyb.), *Czechow w oczach krytyki światowej* (s. 7–82). Warszawa: PIW.

Fish, S. (2008). *Interpretacja, retoryka, polityka. Eseje wybrane*. Kraków: TAiWPN Universitas.

Golstein, V. (1993). 'At Home': At Home and Not at Home. V: R.L. Jackson (ed.), *Reading Chekhov's Text* (s. 74–81). Evanston, IL: Northwestern UP.

Gordon, T. (2019). «Gusev», «Arkhiyerey», «Smert' Ivana Il'icha»: sravneniye stilisticheskikh sistem. *Voprosy literatury*, № 1, 107–120, DOI: https://doi.org/10.31425/0042-8795-2019-1-107-120.

Herman, D. (2010). Narrative Theory after the Second Cognitive Revolution. V: L. Zunshine (ed.), *Introduction to Cognitive Cultural Studies* (s. 155–175). Baltimore: The Johns Hopkins University Press.

Katayev, V. (ed.). (2011). *A.P. Chekhov. Entsiklopediya*. Moskva: Prosveshcheniye.

Katayev, V.B. (1979). *Proza Chekhova: problemy interpretatsii*. Moskva: Izd-vo MGU.

[11] «Его прелестные детские рассказы – *Детвора, Ванька, Кухарка женится, Событие, Дома, Беглец* – один лучше другого и стоят в первом ряду этой отрасли нашей литературы» (Pertsov 2002: 191). Стоит добавить, что среди современников рассказ высоко оценили Дмитрий Григорович и Лев Толстой (Katayev ed. 2011: 430, 458).

Pobrane z czasopisma Annales N - Educatio Nova **http://educatio.annales.umcs.pl**
Data: 21/11/2026 17:34:49

Keklyudzhe, N. (2018). Vzglyady A.P. Chekhova na vospitaniye i rol' khudozhestvennoy literatury v formirovanii kharaktera rebenka. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: russkaya filologiya*, № 2, 124–137, DOI: https://doi.org/10.18384/2310-7278-2018-2-124-137.

Kuleshov, V.I. (1982). *Zhizn' i tvorchestvo A.P. Chekhova*. Moskva: Det. lit.

Leverage, P., Mancing, H., Schweickert, R., Marston, William, J.M. (eds.). (2011). *Theory of Mind and Literature*. Chapel Hill, NC: Purdue University Press.

Łebkowska, A. (2010). Narracja. V: M.P. Markowski, R. Nycz (red.), *Kulturowa teoria literatury. Główne problemy i pojęcia* (s. 181–216). Kraków: TAiWPN Universitas.

Nankov, N. (2003). Narrative Realms/NarrativeLimits: Chekhov's Story 'At Home' in the Context of Modernity. *Slavic and East European Journal*, vol. 47(3), 441–469.

Pertsov, P.P. (2002). Iz"yany tvorchestva (Povesti i rasskazy A. Chekhova). V: I.N. Sukhikh et al. (red.), *A.P. Chekhov: pro et contra. Antologiya* (T. 1; s. 180–215). Sankt-Peterburg: RKHGI.

Śliwowski, R. (1989). Wstęp. V: R. Śliwowski (oprac.), *A. Czechow. Opowiadania i opowieści* (s. III–XCVIII). Wrocław–Warszawa–Kraków–Gdańsk–Łódź: Zakład Narodowy im. Ossolińskich.

Toczyńska-Pęksa, A. (2009). Антон Чехов и воспитание детей (образ школы и учителей в рассказах Чехова). V: E. Komorowska, A. Porchawka-Mulicka (red.), *Świat Słowian w języku i kulturze X. Literaturoznawstwo* (s. 95–99). Szczecin: Print Group Daniel Krzanowski.

Toczyńska-Pęksa, A. (2010). Антон Чехов и воспитание детей (образ семьи и родителей в рассказах Чехова). V: E. Komorowska, D. Stanulewicz (red.), *Język, kultura i świat roślin* (s. 287–291). Szczecin: Volumina.pl Daniel Krzanowski.

Trzebiński, J. (1992). *Narracyjne formy wiedzy potocznej*. Poznań: Wydawnictwo NAKOM.